

К вопросу о визуальном аспекте исследования фразеологизмов в современных средствах массовой информации

И. В. СЕРИКОВА

Современное газетное издание – результат сложного и длительного процесса, затрагивающего социальную, духовную, эстетическую и производственно-технологическую сферы. Газета – это образец текста «открытого наращивания», это «газетный роман, сама газета как целостный текст» [1] в совокупности входящих в него знаковых комплексов, представленных, в частности, в виде иллюстраций, орнаментов, геометрических фигур и т.д. Процесс текстуализации обуславливает появление соответствующих формообразующих средств, размещенных на газетной странице. Основными формообразующими средствами в создании семантики газетного текста является шрифтовой и иллюстративный материал.

Иллюстративный материал образует иконическое текстовое пространство. Главную функциональную задачу, состоящую в том, чтобы что-либо представить, показать или прояснить, иллюстрация сможет лишь в том случае, если репрезентирует (визуализирует) объект, т.е. выступит в роли особого знака. Объектом репрезентации могут быть разнообразные предметы, и сам иконический знак может быть различным по степени сложности. В силу своей специфики этот знак перцептирует субъективно, и ключевое значение приобретает то, каким тезаурусом владеет реципиент, каковы его способности к отражению материала [2, с. 166]. Одна из важных задач иллюстративного газетного материала заключается в том, чтобы «помочь читателю «пережить» информационный взрыв, чтобы его тезаурус не пострадал от перегрузки информацией» [3, с. 70]. При этом важен также уровень информационной, эстетической подготовленности реципиента, его умение анализировать и делать выводы, поскольку иллюстративный материал имеет отношение к проблеме культуры и стиля, которая «расшифровывается как проблема значения и знака, информации и кода» [4, с. 175]. Таким образом, при декодировании иконических знаков и всего текста взаимодействуют иллюстрация и интеллект. В широком смысле под «иллюстрацией» можно понимать любой изобразительный материал. Б.Гилл и Дж.Льюс относят к иллюстрации рисунок, картину, коллаж, фотографию, т.е. то, что передает информацию [5, с. 12].

Одним из случаев сочетания в одно целое текста и иллюстративного материала, в частности, рисунка и фотопубликации, является сочетание фразеологической единицы и графического изображения. Польский фразеолог В. Хлебда, называя данное явление «визуальным контекстом фразеологии», утверждает: «рассматривать ФЕ и графическое изображение в одной плоскости можно тогда, когда во фразеологизме усматриваем не только вербальное образование с такими или иными лингвальными параметрами, сколько своего рода знак, могущий употребляться и функционировать в самых различных конфигурациях со знаками других семиотических материй (в том числе визуальной)» [6, с. 43]. Используя термин «фразема» в его «широком» понимании и рабочее определение термина «графема» (различные по технике использования, по форме и функциям графические изображения, общим знаменателем которых является визуальность и целостность), В.Хлебда представляет их как слагаемые синергитического характера («синергема») и рассматривает четыре типа отношений между ними.

Газетный текст может сопровождаться иллюстративными материалами (чаще всего рисунком или фотографией), которые «обогащают содержание, улучшают оформление, оживляют материал» [7, с. 56]. В этом случае актуализируется фразеологическое значение, что приводит к осложнению семантического статуса ФЕ. При характеристике соотношения графемы и фраземы приходится учитывать газетный текст, в котором находятся слова, яв-

ляющиеся, наряду с графемой, актуализаторами значения ФЕ. Сама фразема подвергается структурно-семантическим преобразованиям, поскольку входит в сложные отношения не только с графемой, но и с элементами графического изображения и самим текстом. Основываясь на классификации, предложенной В. Хлебдой, и используя предложенную им терминологию, попытаемся описать более сложные типы отношений, возникающие между графемой, фраземой и газетным текстом (сообщением, статьей, репортажем).

Собранный нами материал позволяет выделить следующие типы отношений:

1. Графема может выполнять самостоятельную роль наряду с текстовым сообщением, давая читателю общественно значимую информацию; графема, таким образом, сопровождает текст, но не поясняет его. Фразема при этом выступает в роли своеобразного микротекста, сопровождающего графему, т.е. фразема и графема дистанцированы друг от друга. Обычно в таких случаях графема репрезентирует один из элементов фраземы, а фразема сохраняет свой первоначальный вид. Статья «Изгнали Кина – выиграли Кан» (СБ, 21.05.02) представляет участников чемпионата мира по футболу группы «Д» и «Е», рассказывает о скандальных историях, случившихся с этими командами в канун старта чемпионата.

Графема не связана с текстом, так же как и фразема, которая является подписью под графемой. Графема представляет собой изображение фрагмента футбольного поля, ворот и двух вратарей, один из которых сидит, а другой напряженно тренируется (находится «во вратарской стойке»). Подпись: «Пока Оливер Кан отдыхает, второй вратарь сборной Германии Йенс Леманн работает *в поте лица*». Фразема [*работать*] *в поте лица* (*в поте лица своего*) сохраняет в данном случае свое значение 'с большим усердием, в постоянном труде' (ФСРЛЯ II, 133) благодаря слову-актуализатору с антонимичным значением *отдыхает* в первой части предложения и элементу-актуализатору графемы (тренировка одного из вратарей).

2. Графема может быть тождественной фраземе и связана непосредственно с текстом. В таких случаях происходит дефразеологизация фразем. Фразема выступает в качестве заголовка текста, при этом происходит как бы совмещение двух планов (прямого и переносного), поскольку заголовок ориентирует на переносное значение, восприятие, а в тексте может реализоваться буквальное значение. Графическое же изображение чаще всего ориентирует сразу на проблему, которая затрагивается в тексте, т.е. графема буквализирует фразему. Связь вербального (заголовочного) и иконического материалов в печати может быть иллюстративной, ассоциативной, контрастной [8, с. 139-140]. В наших примерах эта связь чаще всего имеет иллюстративный и ассоциативный характер. Следует отметить, что при таком соотношении графемы и фраземы необходимо «осторожно вести речь об аутентичности отраженного материала», т.к. часть элементов ФЕ, «представленная при помощи фотографических средств, может быть срежиссирована» [9, с. 34].

Примером подобного соотношения графемы, фраземы и текста может послужить фото принца Чарльза, держащегося рукой за глаз, который закрыт платком. Элементы графемы – глаз, закрытый платком, рука – автоматически вызывают в сознании читателя фразему *в глаз дам* (угроза), которая чаще всего встречается в усеченном виде (*в глаз*) (БТС, 207). Именно эта фразема выступает в качестве заголовка заметки «Прямо в глаз» (СБ, 22.11.02), которая рассказывает о том, что «принц Чарльз повредил себе глаз веткой дерева во время прогулки». Переносное значение фраземы буквализируется.

Фото В. Драчева (СБ, 4.02.01) иллюстрирует проведение открытого чемпионата Минска по спорт-сауне «Легкий пар – 2001»: из сауны выходит победитель этого чемпионата Наталья Трифонова – об этом говорит поднятая в победном жесте рука. В такой ситуации вполне уместно сказать «С легким паром!» – приветствие или пожелание доброго здоровья тому, кто только что попарился или помылся (СРФ, 432). Но на фото победительницу вежливо поддерживает судья, из чего можно заключить, что пар был не таким уж «легким». Это подтверждается и содержанием текста (в парилке необходимо было высидеть дольше всех и выйти оттуда без посторонней помощи), сочетаниями слов (противопоставление воздушного слогана *С легким паром!* слову *пытка*; *Температура в «камере» не должна опускаться ниже 90° по Цельсию; соревнования по «легкому пару»*). Элемент фраземы *легкий* приобретает зна-

чение, противоположное общепринятому метафорическому. Актуализатором этого значения выступает один из элементов графемы (судья этих соревнований, поддерживающий женщину) и слова-актуализаторы в тексте; при этом само слово *легкий* заключено в кавычки. На фразеологическое значение, таким образом, неизбежно накладывается значение, подсказанное текстом и графемой, в результате чего все выражение приобретает энантиосемическое значение.

3. Графема и фразема в газетной публикации могут отделяться друг от друга: фразема объективирована (напечатана) и является подписью к графеме. Графема репрезентирует один или несколько компонентов фраземы, что, как и в предыдущем случае, приводит к дефразеологизации фраземы. Текст в данном случае участвует в изменении графемы, «перекодирует» изобразительную информацию. По этой причине фразема либо сохраняет свое первоначальное значение, либо приобретает другое, либо становится энантиосемичной.

Статью «Клёвый бизнес Володи Смирнова» сопровождает фотография, на которой изображен фермер Владимир Смирнов с рыбой в вытянутой руке, большой пруд и рыболов с удочкой в руке. Данные визуальные элементы отчетливо буквализируют первую фразу подписи под графемой – «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». Вторая же часть подписи («Владимир Смирнов знает это не понаслышке») и слова-актуализаторы текста (целые абзацы) объедняют значение фраземы 'усердно работать, направлять усилие на достижение чего-либо' (БТС, 1348): *трудоголик; мужик, засыпающий за столом не от водки, а от чашки чая; почти десять лет, не зная ни выходных, ни праздников, Володя копал котлованы; специалисты... не верят, что это чудо сотворил один человек: «Такое под силу только специализированному строительному подразделению» и т.д.*

4. Фразема может быть органичным элементом самой графемы. При этом изобразительный материал не «перекодируется» имеющимся в тексте словарным материалом. Элементы графемы в таком случае связаны с ключевыми словами текста. Фразема внутри графемы вписана в определенные контуры, и чаще всего элементы графемы дефразеологизируются или она получает новый смысл, особенно если это сопровождается структурно-семантическими преобразованиями. Фразема чаще всего материализуется в другом шрифте, чем основной текст, в результате чего «при удачном объединении шрифтовых элементов возникает эффект «визуальной поэзии» [10, с. 72-73].

Иллюстрацией этой закономерности является статья «Не так страшен ураган...» (СБ, 27.11.01), в которой описываются последствия урагана, пронесшегося над северо-западом России, когда 625 населенных пунктов остались без света. Одновременно в статье проводится параллельная тема: последствия урагана – воровство электроэнергии гражданами. Графема изображает только часть проблемы, затронутой автором, а именно: размер ущерба, причиненного государству склонными к воровству гражданами. Полагаем, что внимание обращено именно к этой части проблемы, т.к. с ней справиться намного сложнее, чем с последствиями стихии. Рисунок Л. Насырова наглядно комментирует ущерб, причиняемый государству людьми, ворующими провода линий электропередач, грабящими подстанции и мастерские, оставляющими без электричества многие коммунальные объекты.

Графема представлена в виде выразительного рисунка: в избе за столом при свете свечи, вставленной в подсвечник, сидит мужчина в валенках, тулупе, шапке-ушанке и поддерживает пальцем потухшую «лампочку Ильича». Он произносит: «Не светит... Но греет!...» Фразема, графически стилизованная под облако пара, появляющегося в холодной нетопленной избе при дыхании, приближается тем самым к графеме.

Очевидно, что сама фразема представляет собой трансформацию разговорного выражения *Светит, но не греет* 'о чем-либо, что излучает свет, но не согревает'. Актуализация ФЕ достигается в этом случае прежде всего трансформацией синтаксической структуры, при которой на логическом уровне между производной и производящей конструкциями устанавливаются отношения контрадикторности – отрицание вместо утверждения (*светит* – *не светит*) и утверждение вместо отрицания (*греет* – *не греет*). Исходное сложносочиненное предложение преобразуется в самостоятельные предложения, повествовательная конструк-

ция становится восклицательной, а многоточие свидетельствует о незавершенности, недосказанности.

Кроме того, осложнение семантического статуса ФЕ происходит и за счет элементов-актуализаторов графемы: огромные мотки электрических проводов; копилка на столе, в которую «герой» данной графемы складывает деньги, полученные от продажи ворованных проводов. В результате становится понятным смысл исходной фраземы: хоть лампочка и не светит, но проданные ворованные провода, по которым когда-то к ней поступал ток, и полученные за это деньги, «согревают» душу и сердце вора. Глагол *греть*, употребленный здесь в переносном, не зафиксированном словарями значении, соотносится с соответствующим компонентом фраземы *греть руки на чем-либо* 'наживаться нечестным, незаконным путем' (ФСРЛЯ I, 162).

В то же время один из компонентов фраземы (*не светит*) является как бы смысловым центром, вокруг которого объединяются словосочетания и выражения (актуализаторы) из газетной статьи, приводящие к буквализации данного слова: *подключали к свету, переходили на резервные источники питания, бессильно повисшие провода, о качестве проводов и говорить нечего* и др.. Актуализаторами компонента *не светит* выступают и элементы графемы (свеча, горящая в подсвечнике; потухшая лампочка; оборванные провода, инструменты для кражи проводов – топор, пассатижи, рукавицы). К буквализации второго компонента (*греет*) приводят элементы графемы – копилка и деньги. Таким образом, элементы графических изображений переводятся в нашем сознании с графического на лингвальный код, происходит выразительная графическая буквализация фраземы.

5. В том случае, когда графема может быть представлена реально, а фразема виртуально, графема лишена какой-либо подписи, но ассоциируется с определенной фраземой. Ассоциации обычно вызваны определенными элементами графемы или ее общим фоном. Текст не разрушает достоверности зрительных образов и связан с элементами графемы. Примером такого типа отношений служит фото С.Антонюка (СБ 10.11.02): на пожарной каланче стоит мужчина в обмундировании. Левая его рука упирается в перила, правая поднята в характерном жесте – он всматривается вдаль и осматривает город, расположенный внизу. Данная графема, на наш взгляд, вызывает ассоциации со словами из кинофильма «Небесный тихоход»: «Мне сверху видно всё, ты так и знай!» Слова-актуализаторы в тексте (*пожарная каланча; взирает на город; дозорный; пост*) и элементы-актуализаторы графемы придают фраземе новое значение: 'быть начеку, внимательно следить за происходящим'.

Рассмотрение типов отношений позволяет отметить следующее: 1) типы отношений 1 – 4 связаны с визуализацией фраземы, в то время как пятый – с фразематизацией графемы; 2) графема почти непосредственно коррелирует с текстом в том случае, если отношения вербального и иконического материалов в процессе иллюстрирования строятся на основе экс-

плицитно существующих элементов; 3) на основе имплицитно существующих элементов корреляция происходит более сложно, поскольку в этом случае актуализируются ассоциативные механизмы; 4) актуализаторами ФЭ могут быть не только графемы и слова контекста, но и используемые в тексте паралингвистические средства.

Abstract

This article deals with the problem of the newspaper idiom analysis. In the process of their using in the context the meaning of these idioms has been actualized. As an actualizer can be used not only a microcontext, but the direct environment of the idioms in the context and the graphic picture as well.

Литература

1. Лотман Ю.М. и Минц З.Г. Литература и мифология // Семиотика культуры. Тарту, 1981.
2. Мисонжников Б.Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.
3. Петров Г.Н. Восприятие фотопублицистики читательской аудиторией: (Некоторые аспекты проблемы) // Журналистика: проблемы истории, теории, практики /Под ред. В.В. Бакшина. Владивосток, 1985.
4. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Избр.статьи. Л., 1991.
5. Gill B., Lewis J. Illustration: aspects and directions. London: New York, 1965.
6. Хлебда В. Неисследованные контексты фразеологии. Визуальный контекст // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах. Материалы международной научной конференции 23-24 ноября. Гомель, 2001.
7. Солдаткин Ю.И., Шультмейстер В.М., Жукова К.П. Производство районных и городских газет. М., 1975.
8. Ворошилов В.В. Журналистика и рынок: проблемы маркетинга и менеджмента средств массовой информации. СПб., 1997.
9. Устюгова Е.О. О стиле в фотоискусстве // Сов.фото, 1978. № 10.
10. L'arte come mestiere / A cura di U.Eco. Milano, 1969.

Принятые сокращения

БТС – Большой толковый словарь русского языка /Сост. и гл.ред. С.А.Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с; СРФ – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с; ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И.Федоров. Т. 1-2. М.: Цитадель, 1997.